Мария Графова

«Бабий бунт» в советской агитационной литературе 1920-х годов

Maria Grafova

"The Country Wives' Revolt" in Soviet Agitational Literature of the 1920s

Мария Графова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», департамент международных отношений, доцент; кандидат искусствоведения) mgrafova@yandex.ru.

Ключевые слова: культурная революция, агитация, бабий бунт, пропаганда, советская идеология, 1920-е годы, советская власть в деревне

УДК: 316.7; 930.85; 32.019

В статье рассматривается освещение так называемых бабьих бунтов в Советской России 1920-х годов как часть становления новой советской идеологии и идеологической политики в рамках осуществления «культурной революции». «Бабьим бунтом» в историографии обычно называются женские протесты в деревне во время коллективизации, но анализ агитационной литературы 1920-х годов показывает, что «бабьи бунты» — это целый концептуальный сегмент советской агитации, представленный уникальным и ранее не исследованным комплексом источников. В результате анализа источников были выделены общие закономерности сюжетных линий, ходов, стереотипных действующих лиц. Определено, что цель такого рода агитации состояла в том, чтобы информировать крестьянку о ее новых политических правах, внушить новое самосознание и доверие к советской власти. Однако эта гендерная эмансипация задана в ограниченных рамках марксистского понимания женского вопроса: целью бунта является только просвещение женщин и перевоспитание мужчин, а не пересмотр основ традиционной семьи. «Бабий бунт» в 1920-е годы — это только идеологический концепт, имеющий целью навязать крестьянке гендерную модернизацию сверху, но строго в рамках партийной стратегии в отношении крестьянства.

Maria Grafova (PhD; Associate Professor, Department of International Relations, National Research University Higher School of Economics) mgrafova@yandex.ru.

Keywords: cultural revolution, agitation, country wives' revolt, propaganda, Soviet ideology, 1920s, Soviet government in villages

UDC: 316.7; 930.85; 32.019

In this article, the coverage of so-called "country wives' revolts" in 1920s Soviet Russia are examined. They played a significant role in the formation of the new Soviet ideology and ideological politics within the framework of the actualization of the "cultural revolution." In historical studies, "country wives' revolt" usually refers to women's protests in villages during collectivization, but an analysis of 1920s agitational literature shows that "country wives' revolts" were an entire conceptual segment of Soviet agitation. As a result of an analysis of sources, the general patterns of the plotlines, moves, and stereotypical characters have been defined. It has been determined that the goal of this kind of agitation was to inform peasant women about their new political rights and imbue them with new self-consciousness and trust in the Soviet government. This gender emancipation, however, was given within the limited framework of the Marxist understanding of the women question: the goal of the revolt was only to educate the women and discipline the men. "Country wives' revolts" in the 1920s are merely an ideological concept that had the aim of imposing gender modernization on the peasantry from above, but strictly within the framework of party strategy in relationship to the peasantry.

Что делать, Клеоника? Сердце горечь жжет.
Все из-за нашей горькой женской долюшки,
Из-за того, что у мужчин негодными
Слывем мы.

Аристофан. Лисистрата

Нельзя по-настоящему понять историю коммунизма, не столкнувшись тем или иным образом с вопросом о природе идеологии. Так же невозможно осмыслить историческую эволюцию Советского государства, не столкнувшись с проблемой роли идеологии в историческом процессе.

Майкл Дэвид-Фокс. Пересечение границ. Современность, идеология и культура в России и Советском Союзе[1]

Освещение так называемых бабьих бунтов в Советской России 1920-х годов в нашей статье рассматривается как часть становления новой советской идеологии и идеологической политики в рамках «культурной революции». Пришедшая к власти в 1917 году и возглавляемая В.И. Лениным партия большевиков с самого начала считала идеологическую работу важнейшим средством политической борьбы. При этом просвещение рассматривалось не просто как поднятие культурного уровня населения, но как орудие укрепления режима, способ утверждения в «массах» его целей и ценностей. «Наша задача — побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное. Задача наших работников просвещения — осуществить эту переделку массы», — писал Ленин в 1920 году [Ленин 1970а: 406].

В этом и состояла суть «культурной революции» — широкого комплекса мероприятий, осуществленного в СССР для фундаментальной перестройки общества. Термин «культурная революция» сам по себе весьма дискуссионный. Он был введен в советский политический лексикон в работе В.И. Ленина «О кооперации»: «...у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим» [Ленин 1970б: 377]. Речь у Ленина шла о «целом перевороте, целой полосе культурного развития всей народной массы» [Там же: 372]. Однако в историографии устоявшееся понимание термина и его хронологических рамок связано с исследованиями Ш. Фитцпатрик и выходом в 1974 году ее статьи «Культурная революция в Советской России, 1928—1932» [Fitzpatrick 1974]. Это яркое, убедительное и имевшее большое влияние на последующую историографию исследование определяло «культурную революцию» как период с 1928 по 1932 год, когда Сталин руками левых идеологов расправился с «правой» оппозицией в партии.

Сейчас нам представляется довольно очевидным, что эта эффектная и плодотворная гипотеза была создана в определенном политическом контексте, в то время, когда само существование СССР казалось незыблемой данностью. Ответ на вопрос о том, есть ли у СССР будущее в долговременной перспективе, не вызывал сомнения. Кроме того, виден явный параллелизм по отношению

1 См.: [David-Fox 2015].

к недавней тогда «культурной революции» в Китае. Понимание термина обсуждается и оспаривается в исследовательской литературе (см. обзор в трудах М. Дэвида-Фокса [David-Fox 1999: 183—187; 2015: 104—111], а также ответ на критику самой Ш. Фитцпатрик [Fitzpatrick 1999]).

Тема «культурной революции» представляется перспективной с точки зрения определения идеологического контекста «бабьих бунтов». На наш взгляд, «бабьи бунты» были частью культурной революции в широком, «ленинском» понимании этого слова («Cultural Revolution in the Leninist sense» [Fitzpatrick 1974: 38]). По словам Ш. Плаггенборга, описывавшего культурные ориентиры в СССР досталинского периода, «попытки внедрения пролетарской культуры можно назвать культурной революцией скорее, чем то, что начало происходить после 1928 года» [Плаггенборг 2000: 33].

В этом смысле представляет интерес наблюдение Р. Пайпса о том, что, несмотря на относительную свободу и инновационный характер культурного контекста первого десятилетия большевистской власти, «при ближайшем рассмотрении все новшества в литературе, искусстве и образовании, наблюдавшиеся в первые годы существования большевистского режима, оказываются лишь побочными аспектами культурной политики, с самого начала определявшейся чисто идеологическими соображениями» [Пайпс 2005: 207]. И здесь, как подчеркивал Ленин, важнейшее значение приобретают пропаганда и агитация, которые призваны «перевоспитать массы» [Ленин 1970а: 408].

* * *

Агитационно-просветительская советская литература 1920-х годов — это сложный корпус источников с большим количеством крупных тем: санитарное или бытовое просвещение, культурное развитие, политическая или антирелигиозная пропаганда. В ходе изучения этого корпуса в фондах Российской государственной библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки на тему повседневной жизни в эпоху нэпа наше внимание привлекла пьеса Н. Божинской «Бабы забастовали» [Божинская 1926]. Она рассказывает о том, как деревенские женщины, подбодренные осознанием своих новых прав, полученных от советской власти, решаются на своего рода забастовку, требуя от мужей уважения к себе и прекращения рукоприкладства. В процессе чтения возникла ассоциация с «Лисистратой» Аристофана, историей о том, как гречанки, раздраженные бесконечной войной, отказали своим мужьям в обществе и утешении до тех пор, пока мужчины не заключат мир. Только у древних греков главной проблемой было то, что в современном медийном обиходе называется «sex strike», а в российской деревне стоял куда более насущный вопрос: кто будет варить щи и доить корову[2].

В ходе дальнейшего исследования оказалось, что эта ассоциация неоригинальна, потому что вся пьеса основана на реальном казусе, описанном в заметке, вышедшей в газете «Известия» 27 марта 1923 года и озаглавленной «Лизистрата из Веретеевки» [Рыклин 1923]. Текст был посвящен тому, как в селе

2 В агитационном стихотворении «Бабы» претензии встревоженных женским активизмом мужчин формулируются так: «Кто теперь, к примеру, будет щи варить… аль рубахи шить… али коров доить… на кого теперь вы бросите ребят… мужа побоку… другого, мол, найду… аль по-сучьи: разом десять заведу…» [Мирошниченко 1927].

Веретеевка Брянской губернии женщины под предводительством местной активистки объявили своим мужьям забастовку.

После некоторых поисков оказалось, что тема «бабьего бунта», трактуемого как женский протест против угнетения и насилия в традиционном «патриархальном» обществе русской деревни, за перестройку которого активно боролась советская власть, неоднократно возникает в агитационной литературе 1920-х годов. Неизвестно, имели ли место другие казусы вроде истории «Лизистраты из Веретеевки», но в реальности «бабий бунт» против патриархата в деревне периода нэпа широко распространенным явлением быть явно не мог. Хотя бы потому, что он ни разу, насколько нам известно, не всплывает в гендерной историографии.

Таком образом, уникальный корпус источников естественным образом выкристаллизовался в рамках широко заданного процесса изучения агитационной литературы эпохи. Важно отметить, что предметом нашего исследования является именно агитационная литература, брошюрки для мало- и среднеграмотного деревенского читателя, которые рекомендовали крестьянам в сельских библиотеках и часто читали вслух широкой аудитории. Поэтому, например, сцена «настоящего» «бабьего бунта» из «Поднятой целины» Шолохова остается за рамками этой статьи: во-первых, это не «агитационный» «бабий бунт» эпохи нэпа, а во-вторых — целевая аудитория наших «бунтов» роман Шолохова, скорее всего, не была бы в состоянии прочесть.

Выделив корпус агитационных «бунтов», мы проанализировали их сюжеты, набор персонажей и другие основные черты, определив общие закономерности и вариации. Поскольку речь идет именно об идеологическом пространстве, а не о действительных исторических событиях, следующая стадия исследования состояла в том, чтобы определить место «бабьих бунтов» в идеологическом контексте эпохи.

Первый и очевидно напрашивающийся ракурс рассмотрения темы — это гендерный аспект. У этой литературной продукции была вполне определенная целевая группа: крестьянки, которых предстояло перевоспитать и ориентировать на жизнь в новых условиях. Для того чтобы оценить этот вопрос с теоретической точки зрения, надо вспомнить о «вечном» конфликте феминизма и марксизма:

> ...классическая теория социализма по многим важным показателям противоречит установкам западного феминизма. Основная разница состоит в том, что последний настаивает на специфическом угнетении именно женщин, связанном с их репродуктивными функциями, а первая рассматривает женщин с более общей точки зрения, в ряду других угнетаемых эксплуататорскими классами групп, чье освобождение может быть достигнуто путем ликвидации эксплуататоров и строительства нового общества. Освобождение женщин будет осуществлено в рамках более широкого процесса социального преобразования [Molyneux 1981: 11].

Точки пересечения и дискуссий между марксизмом и феминизмом — чрезвычайно разработанная исследовательская тема, как в теоретическом плане, так и в гендерной истории. В статье мы покажем, что агитационные «бабьи бунты» были реализованы в русле безусловно марксистского понимания женского вопроса: крестьянку нужно просветить, научить пользоваться своими правами, вырвать из состояния невежества и забитости, развенчать в ее глазах религию и научить, как заставить мужчин считаться с собой и уважать. Но все это нужно

только для того, чтобы просвещенная крестьянка вернулась в свою семью, обновленную и перестроенную, и продолжала работать и выполнять свои семейные обязанности. Многие крестьяне, которые по сюжету «бабьих бунтов» бьют и ругают своих жен, изображаются с сочувствием, потому что они, как и их жены, — жертвы эксплуатации и классового угнетения. В общем идеология[3], определяющая создание «бабьих бунтов», не собственно феминистическая, а представляющая марксистский взгляд на гендерные вопросы.

«Бабьим бунтом» в историографии чаще называют протестные выступления крестьянских женщин, в основном во время коллективизации в СССР. Основные работы по этой теме принадлежат американской исследовательнице Л. Виола [Viola 1986; 1992; 1996]. Много информации о повседневности крестьянок в эпоху коллективизации и о женских протестах сконцентрировано в недавней работе Л. Денисовой [Denisova 2018].

На русском языке тема представлена рядом небольших статей [Алексанян 2009; Бондарев 2010; Ефремов 2007]. Статья Н.А. Алексанян представляет собой, в сущности, конспект архивных материалов без библиографии. Кроме того, у «бабьего бунта» есть своя история и до событий 1917 года. Так, теме женских продовольственных протестов во время Первой мировой войны посвящена основательная статья Б. Энгл [Энгл 2010].

Дальше речь пойдет о «бабьих бунтах» именно при советской власти. Оказалось, что у трагической темы женского протеста против коллективизации есть своего рода ранний двойник в виде содержимого сегмента агитационной литературы, предназначенной для просвещения крестьянок и пропаганды нововведений советской власти в деревне. Представление о том, как крестьянские женщины на самом деле жили в описываемую эпоху, дает, в частности, монография Л. Денисовой [Denisova 2010].

Агитационной продукции разного типа для женщин было много, в том числе были и прямые указания — почему, например, надо идти в колхозы или переставать ходить в церковь [Кравченко 1929; Пав.Линыч 1927]. Да и тема борьбы женщин за свои права встречается, конечно, часто. Например, в пьесе Пикова «Кто кого», посвященной «расслоению» деревни, «кулак», «поп» и «неграмотные мужики» с присоединившимся к ним развращенным и лживым городским адвокатом борются не на жизнь, а на смерть с деревенскими активистками [Пиков 1927]. Но тема бабьего бунта на этом фоне выделяется своей узкой направленностью и довольно стандартной, как мы постараемся показать, формой.

Все анализируемые нами источники были опубликованы в 1923—1928 годах (кроме «Бабьего бунта» Демьяна Бедного, датированного 1924 годом, но вышедшего в составе книги только в 1932 году)[4]. Вопрос о том, кто авторы этих

3 Мы используем термин «идеология» в его этически нейтральном значении, как обозначение комплекса идей.

4 Примечательно, что «Лизистрата из Веретеевки» (вроде бы реальный случай) относится к 1926 году, когда значительная часть «Бабьих бунтов» уже вышла в свет. Это позволяет предположить, с учетом того, что первый из обнаруженных нами «Бабьих бунтов» относится к 1923 году, существование определенного шаблона, поэтому мы рассматриваем этот случай в числе литературных казусов. Сложно сказать без дополнительных изысканий, насколько история в партийной газете строго соответствует действительности и не подогнана ли она под уже заданный к 1926 году агитационный стандарт женского протеста против традиционного уклада в деревне.

рассказов и пьес, заслуживает отдельного исследования. Помимо М.А. Шолохова они, за единственным исключением, не фигурируют в изданных (правда, заметно позже) справочниках советских писателей, сборниках автобиографий. Их литературных имен нет в словаре псевдонимов. Речь явно идет о невысоком уровне литературной иерархии. Только сведения о старом драматурге Н.О. Еленском (1868—1939) содержатся в справочнике «Писатели Ленинграда. Библиографический справочник. 1934—1981» [Писатели Ленинграда 1982: 123].

Прежде чем перейти к анализу источников, надо отметить, что эволюции сюжетов и мотивов не наблюдается: канон «бабьего бунта» сформировался уже в 1923—1924 годах и не менялся вплоть до конца 1920-х. Представляется уместным поместить здесь краткий пересказ уже упомянутого «бунта», описанного Н. Божинской в пьесе «Бабы забастовали». В дальнейшем отдельные мотивы и ситуации из разных «бабьих бунтов» будут использоваться для иллюстрирования того или иного тезиса.

В пьесе Н. Божинской беллетризована ситуация из газетной заметки Г. Рыклина о «Лизистрате из Веретеевки», которая полностью соответствует канону агитационного бабьего бунта: Аксинья Карасёва из деревни Веретеевки Брянского уезда стала общественно активной, ходит на собрания и произносит речи. Равнодушный к политике муж недоволен, даже бьет ее. Обидевшись, Аксинья обращается за советом к местной делегатке, а затем подговаривает замужних деревенских женщин закрыться в школе, отказаться выходить и исполнять свои хозяйственные обязанности, пока мужья не подпишут «ультиматум», согласно которому они больше не будут не только бить своих жен, но и ругать их грубыми словами. В случае отказа подписывать документ женщины угрожали разводом. В результате мужья оказались вынуждены уступить. Этот сюжет, реальный или не вполне, воспроизводится в пьесе Н. Божинской: «Не выйдем из школы до той поры, пока все мужики не подпишутся на бумаге, что отказываются навсегда бить нас, не препятствуют нашим правам... считают нас равными...» [Божинская 1926: 27]. Мужья не в состоянии справиться с хозяйством: ребенок изошел криком и не хочет брать неумело сделанную отцом «жвачку» — пережеванную хлебную кашицу, завернутую в тряпочку, известный объект ожесточенной критики санитарной пропаганды эпохи. Кроме того, им непонятно, жив младенец или помер, потому что определить, здорова ли собака, пощупав нос, мужчины умеют, а с ребенком так не получается. У коровы вот-вот «перегорит» в вымени молоко, потому что, оказывается, доить ее совсем не просто. Сам председатель, к которому как к «главному» обращаются за инструкциями «мужики», не знает, что делать. Свиньи побегали вокруг дома и исчезли в неизвестном направлении. Мужчины сдаются и подписывают ультиматум. «Лизистрата» с товарками торжествует победу.

Как нам представляется, стоит для начала выделить важные для анализа критерии подобных агитационных текстов. Во-первых, понять, какого результата хотят добиться агитаторы. Во-вторых, рассмотреть какие методы борьбы им кажется уместным «посоветовать» своим читательницам и какие сюжетные мотивы представляются им наиболее подходящими[5].

5 Ниже мы приведем данные о том, насколько важно было сделать сюжет и язык убедительными для крестьян, чутких к фальши и неловкой литературной имитации привычных им реалий.

Цели агитации типа «бабий бунт»

Пожалуй, главная цель «бабьих бунтов» — *формирование нового правосознания*: крестьянки должны осознать свои новоприобретенные гражданские права и, что особенно важно, поддержку со стороны новой власти.

В рассказе И. Чурилина «Бабья власть», явно примыкающему к тематике «бабьих бунтов», история такова: мужчины в деревне раздражены. Все избранные ими председатели попадают за решетку: «Да озлились мы, кого ни выберем из мужиков, так обязательно в тюрьму утяпают. Ни однова не пропустили. То за самогон, то за налог, то за избиение бабьего сословия...» [Чурилин 1926]. И в шутку выбирают они председателем бойкую женщину из самых бедных односельчан. А она берется за наведение порядка: одного из мужчин посадили в тюрьму на две недели за то, что он побил жену, другого вызвали в город за самогоноварение, третьего отдали под суд за сокрытие телки от учета («Эх, хуже всего, когда власть бабья!..»). Сделать ничего они с этой ситуацией не могут, «потому волостная Еркапа поддерживает», а вдохновленные результатами «бабьей власти» женщины переизбрать свою председательницу не дают. Очевидным образом опираются на поддержку власти женщины в рассказе, опубликованном под псевдонимом Платоныч (см. ниже).

Интересно, что проникнуться новым, советским правовым самосознанием может не только женщина, но и мужчина: герой рассказа Шолохова, которого взбунтовавшиеся «бабы» высекли крапивой и таким образом опозорили на всю округу, хочет подать в суд на обидчиц за причинение морального ущерба [Шолохов 1927: 10].

Вторая важная цель этих текстов — *принятие женщинами новых общественных функций*. «Бунты» ориентированы на то, чтобы стимулировать женщин активно участвовать в общественной жизни, ходить на собрания, избираться в делегатки, развиваться (неграмотных — учиться грамоте; тех, кто уже умеет читать, — повышать уровень образования).

Концепция «бабьего бунта» сама по себе обычно предполагает и новый уровень общественной активности: героиня часто становится делегаткой местного самоуправления. Иногда ей приходится преодолевать для этого сопротивление мужчин, не привыкших к женской активности и юридическому равноправию. Уже описанная выше Аксинья Карасёва из деревни Веретеевки Брянского уезда, та самая «Лизистрата», подговаривает женщин на «бабью забастовку» после того, как муж, недовольный ее общественной активностью, поднимает на нее руку. В рассказе «Бабий бунт», опубликованном в сборнике под псевдонимом Платоныч, мужчины пытаются саботировать участие женщин в выборах: выбирают в местный совет трех мужчин, игнорируя единодушное желание женщин выбрать на одно из мест активистку Устинью. Мужчины и женщины отдельно друг от друга пишут по бумаге в органы советской власти: первые — с просьбой признать результаты выборов, а вторые — естественно, их оспорить. Городской совет признает выборы недействительными «ввиду разногласия общества» [Платоныч 1923: 11]. Мужьям приходится признать новый статус-кво. Устинья заседает в совете и «подрубает гнилую привычку мужиков — баб за человека не считать» [Там же: 13].

Предназначенное для декламирования на несколько голосов стихотворение «Бабы» призывает женщин к участию в местном управлении, потому что мужчины тут не очень-то преуспели:

...Но узнала баба жизни новой свет,
Хочет баба избираться в сельсовет.
Вот ругаетесь вы, крепко, мужики,
А порядки-то в деревне не крепки...
[Мирошниченко 1927: 79]

Третья цель «бабьих бунтов», которую можно выделить, — *эволюция отношений в семье*. Этот вопрос особенно интересен с точки зрения гендерной истории. «Бабьи бунты» были призваны бороться с недостатками традиционного семейного уклада — угнетенным положением женщин, грубостью, насилием. В деревне такие претензии представляются вполне обоснованными: деревенская женщина — это даже не городская домохозяйка, она тяжело работает наравне с мужчиной дни напролет. Теперь она получает равные права, в том числе право на развод и раздел хозяйства, поэтому имеет возможность для маневра. И героиня агитационной литературы активно пользуется новыми возможностями и «перевоспитывает» мужа.

Так, герой рассказа П. Ярового «Бабий бунт» Демьян, с которым жена в целях перевоспитания и отучения от алкоголя не разговаривает, еще и демонстрируя физическое превосходство, в конце концов признает ее правоту, бросает пить, благодаря чему начинает куда эффективней работать по хозяйству, а также давать деньги на детей, не обращая внимания на насмешки односельчан [Яровой 1924]. Мужья в пьесе «Бабы забастовали» подписывают «ультиматум», согласно которому обязуются больше не бить своих жен и не браниться грубыми словами.

Но какова конечная цель этой активности? Ставится ли задача, например, коренной перестройки семьи в деревне? Встает ли вопрос о том, надо ли женщине обязательно быть замужем? Может быть, ей стоит обрести счастье, посвятив себя исключительно общественной работе или труду? Совсем нет, хотя в агитационной литературе, предназначенной для рабочих, ситуации, в которых женщина ставит работу выше любви, уже встречаются (см., например: [Ильина 1928]).

Но в продукции для крестьянской аудитории речь идет только об исправлении недостатков в отношениях супругов ради воссоединения и благополучия семей. Мужья и жены мирятся даже в совершенно вопиющих случаях. Именно такая ситуация описана в пьесе Б.Н. Барабанова «От стычки до смычки» [Барабанов 1927: 3—4], представляющей собой соединение сюжетов двух рассказов Платоныча, уже упомянутого «Бабьего бунта» и «Отца» (в пьесе встречаются буквальные текстовые совпадения с рассказами). Терпение забитой своим мужем Лукьяном Ирины кончается, когда тот ранит до крови сына. Она идет в советский суд и добивается развода с разделом хозяйства, а этот вопрос в деревне был самым существенным [Farnsworth 2015]. На суде она рассказывает о своих несчастьях: вышла замуж, надеясь на освобождение от домашнего насилия со стороны отца, а стало еще хуже. В частности, из семи детей выживает двое, из пяти умерших один погиб внутриутробно, когда муж ударил ее сапогом по животу [Барабанов 1927: 41]. Супруг, не признавая решения суда о разделе и выселении его из дому, начинает бурно протестовать и попадает в тюрьму. Выйдя на волю, он хочет сжечь свое хозяйство, чтобы не досталось «бабе».

Но деревня тем временем преобразилась: провели телефон, женщины стали делегатками, намечается организация пионерского отряда. Происходит

величественная сцена «смычки» города и деревни, оглашаемая хорами рабочих и крестьян в духе едва ли не аттической трагедии. Участники провозглашают себя ленинцами и поют «Интернационал». На дворе весна, время Пасхи, но ее, похоже, заменил новый праздник:

> Завтра праздник, завтра праздник,
> Завтра праздник — красный день.
> Завтра праздник, завтра праздник
> Городов и деревень
>
> [Там же: 54].

Впечатленный Лукьян не жжет дом, а, напротив, с риском для жизни помогает тушить пожар в новых яслях, подожженных злокозненными местными «попом» с «попадьей» (о мотиве «классовых врагов» см. ниже). Супруги мирятся. В исходном варианте истории из «Стычки и смычки» муж собирается опять-таки жечь хозяйство, чтобы не досталось выигравшей суд жене, но радость детей, любящих его вопреки всему, смягчает его сердце, он винится перед женой и мирится с ней.

Вопрос о деревенской семейной морали («стерпится-слюбится» поневоле) любопытен сам по себе и заслуживает отдельного внимания. Главная проблема при разводе — это раздел хозяйства, который нельзя допускать. Поэтому в агитационной литературе для крестьян супруги мирятся после столь ужасных историй, как описанная выше. Даже систематические побои герой рассказа А. Неверова «Строгий муж» прекращает не из соображений морали или гуманности, а потому, что научившаяся грамоте жена помогла пересчитать сумму налога. Кроме того, теперь она может и на развод подать, что невыгодно и чревато судебным разбирательством. Это рассказ из своеобразного агитационного учебника, разбирающего типичные конфликтные ситуации в деревне с указанием, как поступить разумней и выгодней для себя и для хозяйства. Присутствуют в конце рассказа вопросы на повторение пройденного, например: «Почему Иван Семеныч перестал бить свою жену?» [Неверов 1928: 9].

В еще одной маленькой комической агитационной пьеске, «Кабальная сделка» [Чивекниз 1927], батрачку выгоняет на улицу, прикрываясь незаконным кабальным контрактом, хозяин, с которым она по взаимному, впрочем, согласию, состоит в связи и ждет ребенка. Отчаявшейся молодой женщине помогает советом делегатка, и батрачка грозит своему хозяину-сожителю судом, разорительной для него выплатой алиментов и компенсацией своего бесплатного труда за несколько лет. Хозяин, прикинув последствия, мгновенно и радикально меняет свое решение и делает предложение матери своего будущего ребенка, на что она с достоинством и соглашается, обговорив свое право на уважительное к себе отношение, помощь по хозяйству и посещение собраний. В рамках «деревенской» морали, как она понимается по крайней мере в агитационной литературе, — это хеппи-энд.

Методы борьбы за права

Отдельного рассмотрения заслуживают «рекомендуемые» в «бабьих бунтах» методы борьбы женщин за свои права.

Один из основных таких методов — *обращение за помощью к активистке*. В целом характерна фигура активистки, грамотной женщины с гражданской позицией, местной или приезжей, которая иногда разъясняет крестьянкам их права и как их защитить, а иногда просто становится «мотором» бабьего бунта, в разных вариантах присутствует почти во всех источниках. Делегатка часто играет роль юридического консультанта — объясняет крестьянке, на что она может претендовать, например, при разводе.

Другой метод — *коллективный протест*, который порой доходит буквально до объявления военных действий. Согласно агитационной литературе, в большинстве случаев женский протест должен осуществляться в коллективе, по крайней мере с его участием.

Именно в коллективе женщины добиваются победы в рассказе Шолохова. В начале, как обычно, стриженая просвещенная активистка из местных начинает агитировать женщин, рассказывая, что у них есть права, например, на то, чтобы их не били мужья. В результате жена рассказчика, забрав детей, баррикадируется в уцелевших конюшнях сожженного барского дома, бросив хозяйство на возмущенного мужа. К ней присоединяются и другие недовольные женщины, пока их не становится восемь и они не выдвигают обычные для «бабьего бунта» требования. Другие мужчины вынуждают рассказчика идти на переговоры парламентером, аргументируя это тем, что он в обозе «за советскую власть воевал», похож на Колчака и может объявить «бабам» «амнистию», то есть договориться о мирном исходе конфликта [Шолохов 1927: 8—9]. Мужья сомневаются в исходе дела и, как оказывается, не зря: как обычно в деревне, они несколько грамотней своих жен, которые просто не понимают, что такое «амнистия», и решают, что это оскорбление в их адрес, а не просьба о перемирии. Поэтому они секут «парламентера» крапивой и добиваются в конце концов победы.

В «Бабьей республике» Б. Аверьянова и И. Дальского конфликт между женщинами, привыкшими за время отсутствия в деревне мужей к исполнению нетрадиционных гендерных ролей, и вернувшимися из города мужчинами, едва не переходит в стадию вооруженного столкновения. Выступление женщин под лозунгом «Мы смело в бой пойдем за нашу бабью власть» [Аверьянов, Дальский 1928: 50] предотвращается агрономом, который работал вместе с женщинами и потому группой крестьян оценивается как предатель коллективных мужских интересов. Любопытно, что обидное прозвище для него — это «бабий эсер» (сельская интеллигенция традиционно была оплотом партии эсеров). Агроном объявляет, что местные власти под впечатлением от успехов «бабьей республики», такими, как «переход на многополье, коллективная тракторная запашка, рациональное кормление скота, устройство сливного пункта, кустарного маслодельного завода, организация яслей» [Там же: 51—52], достигнутыми в самые краткие сроки, решили премировать деревню трактором.

У Демьяна Бедного в рассказе «Бабий бунт» борьба с производительницей самогона и «попом» тоже осуществляется в результате коллективного сговора: женщины выливают самогон в реку и традиционно запираются, пока мужчины не образумятся [Бедный 1932].

Еще один описываемый метод борьбы можно обозначить как «синдром Лисистраты». Под этим понятием мы имеем в виду акции, подразумевающие *отказ в исполнении каких-либо привычных обязанностей*, хозяйственных или супружеских и само собой разумеющихся с точки зрения мужчин. Например, жена может отказать мужу в интимных отношениях (или пригрозить

этим). Более радикальный вариант, своеобразная «сецессия» — это уже в чистом виде «синдром Лисистраты»: женщины объединяются и отделяются от мужчин, устраняются от хозяйства, супружеской жизни, а то и ухода за детьми, и соглашаются вернуться только в том случае, если их требования будут выполнены. В местной школе закрываются бунтующие женщины и в «Бабьем бунте» Демьяна Бедного, и в пьесе Н. Божинской.

В «Бабьем бунте» Ярового угнетаемая своим мужем-пьяницей Демьяном Анна присутствует на собрании, где недовольные крестьянки голосуют по пунктам, описывая причины своих претензий к мужчинам: от мужей одна тоска, они дебоширы и пьяницы, с детьми помощи не дождешься, а требуют супружеской ласки [Яровой 1924: 25—26]. В связи с этим активистка Авдотья и предлагает разобраться с мужчинами в духе комедии Аристофана: «Союз узаконим, — кричит Авдотья, — статью такую постановим. Если мужик в хозяйстве отбивается от рук, сунем ему этой статьей. Первое: гони, если подлезет с любовью. Мы такую ее не признаем. Не поможет — выселять будем из избы» [Там же: 27]. Вдохновленная этой инициативой, Анна устраивает своему мужу настоящий бойкот, и супруги начинают друг друга игнорировать до тех пор, пока Анна не выигрывает в этом поединке характеров.

Иногда в текстах встречается прием борьбы, который можно обозначить как *гендерную инверсию*.

Во-первых, женщина может собраться с силами и ответить на мужскую грубость не только грубыми словами, но и ударом: «“Не буду, говорю, качать — не баба я!” Она вдруг грязну тряпку… да хлясть по харе мне!.. — “Вот, грит, за это!.. Я, грит, тебе дите принесла, удовольствие тебе исделала, а ты качать не хошь? Да коли так, грит, сам рожай!”» [Платоныч 1923: 8]. Анна из «Бабьего бунта» Ярового, привычная к тому, что муж ее бьет, неожиданно дает ему отпор, причем оказывается, что она физически его сильнее.

Во-вторых, в некоторых случаях прием инверсии доводится до предела: мужчины по тем или иным причинам оказываются вынуждены выполнять «женскую» работу, причем женщины, особенно объединившись, вполне способны хорошо исполнять «мужские» обязанности, а вот у мужчин доить коров, ухаживать за скотом, готовить, кормить и качать детей получается куда хуже. Такая ситуация показана, в частности, в «Бабьем бунте» Божинской и «Бабьей республике» Б. Аверьянова и И. Дальского. Во втором случае женщины в деревне, оставшись с несколькими мужчинами (бóльшая часть мужчин была в городе на заработках), оказываются очень недовольными их руководством: «…ежели они на манер гидры контрреволюции, поперек нашей женской дороги становятся?» [Аверьянов, Дальский 1928: 10]. Под предводительством грамотной активистки мужчин отправляют стряпать, нянчить детей в яслях и штопать одежду. Им приходится даже унизиться до того, чтобы при дойке коров повязывать голову платком, иначе животные к себе не подпускают [Там же: 19—20]. Женщины же привлекают на свою сторону агронома и начинают вести хозяйство передовыми методами. «Порабощенные» мужчины пытаются бунтовать, настроив тех, кто в городе, против «бабьей республики», но женщины, хотя и страдают без мужей, стоят твердо, как в «Лисистрате».

У этого сюжета есть довольно экстремальный вариант — рассказ Серафимовича «Бабья деревня» [Серафимович 1927], который также существует в виде пьесы [Бабья деревня 1923]. Здесь «бабья республика» образовалась вынужденно: мужчины все погибли во время Гражданской войны, кроме одного,

который в результате не может жениться из-за слишком большого числа кандидаток в невесты. Прибывшего к ним советского агитатора одетые в мужские штаны и привыкшие к самостоятельности женщины встречают неприветливо, потому что им хорошо и без его «коммунии». Путем расспросов агитатор устанавливает, что женщины устроили, сами того не зная, настоящую коммуну. Восхищенный ямщик, сопровождавший партийного, решает вернуться и обязательно жениться на какой-нибудь из местных женщин. Брошюра снабжена очень любопытными (хотя и анонимными) иллюстрациями. На них изображены одетые в штаны и ушанки деревенские женщины, дружно выполняющие работы и смело выступающие против мужчин, которые пытаются, по мнению женщин, навязать им свои решения (*ил*). Иллюстрации в броской и художественно лапидарной форме призваны визуально подкрепить и сделать более убедительным основной посыл рассказа: женщины не хуже мужчин могут выполнять все деревенские работы, имеют те же права и могут постоять за себя. Лаконичная форма, до предела упрощенные художественные средства характерны как для самой литературы «бабьих бунтов», так и для иллюстраций в этих книжках, поскольку и то, и другое предназначено для непросвещенного и недоверчивого (как мы убедимся ниже) крестьянского читателя.

Ил. Неизвестный автор. Женщины, привыкшие к «мужским» ролям, выступают против советского агитатора и выгоняют его из деревни (Серафимович А. Бабья деревня // Бабья деревня. Рассказы. М.: Государственное издательство, 1927).

Любопытной чертой ряда текстов является *указание на внешнего врага*: обычно производителя самогона, «кулака» или «попа». Показательно, что мужья восставших женщин никогда не выполняли эту функцию, даже если избивали жен и детей вплоть до увечий. Обязательный итог — мужчина или мужчины признают правоту своих жен, мирятся с ними и живут дальше семейной жизнью. «Враг» выделяется по классовому, а не гендерному принципу. Это так, например, у Демьяна Бедного, где «в волости Голой» накануне «Зимнего Николы» местная самогонщица наварила своего зелья, чтобы спаивать мужчин после церковного праздника. Женщины борются прежде всего с пьянством и производителями самогона, а заодно и с церковниками, которые это поощряют, а своих мужей хотят только вразумить и отучить от пьянства. В «Деревенском театре» Д. Щеглова и Н. Еленского описывается борьба женщин против финансовых и матримониальных махинаций местного «кулака», общего врага, причем расследование проводит недавно ставшая делегаткой местная активистка [Щеглов, Еленский 1926].

«Не факт, а одна коммунистическая мысль»: восприятие агитационной литературы крестьянами

Уникальная возможность узнать, как сами крестьяне реагировали на попытку провести среди них антирелигиозную и «антипатриархальную» агитацию, предоставляется при прочтении брошюры, посвященной изучению читательского спроса у массового читателя [Какая книга… 1927]. Материалы ее были получены в результате проведения массовых читок агитационной и просветительской литературы среднеграмотным крестьянам и красноармейцам в 1925—1926 годах [Там же: 3—4]. Выясняется, что задача у автора агитационной литературы была непростой: «Сломить недоверие читателя трудно, он часто докапывается до мелочей, хочет проверить, совпадают ли факты, приведенные в книжке, с жизнью» [Там же: 23].

В нашем распоряжении пример из обсуждения рассказа Серафимовича «Бабья деревня». Особого доверия у слушателей текст не вызывает: «Как прочтут в деревне, скажут — небылица в лицах», «А в какой местности это было?», «Поверили бы, если было указано, где, в какой губернии, в каком уезде это было, а так получается не факт, а одна коммунистическая мысль». Есть и высказывание о книжке «Кулак», рассказывающей о духовном кризисе «кулака» Акима [Сивачев 1924], который разрушил свою семью из-за жадности, но одумался и подает некоторые надежды на принятие новой жизни. Один из действующих лиц — алчный, морально нечистоплотный «поп». Слушатели не доверяют услышанному: «Врал, врал, да и заврался», «Я вот живу под пятой десяток, а не знаю таких попов обжоров». Авторы книги, в которой опубликованы результаты «читок», вообще сетуют, что «антипоповская литература не достигает цели» [Какая книга… 1927: 17]. Это отчасти подтверждает и реакция на историю, в которой сочетается гендерная и религиозная темы, — о работнице, которая приходит к отрицанию религии и становится советской активисткой [Степной, Казакевич 1925]. В этом рассказе невестка героини, крестьянка, признает, что молиться не умеет и не любит, в церковь ходит только для того, чтобы пообщаться, встретиться по делу или посмотреть на наряды других женщин. Более того, героиня утверждает, что у них почти все такие, кроме старух; к чему молиться, если они все время работают, грешить некогда. Слушатели отметили: «Неправильно, что сноха антирелигиозная была, это неверно»; «Одна может быть в деревне неверующая, но сноха отвечает — у нас все такие» [Там же: 21].

Авторы книги вынуждены признать: «…крестьянский читатель очень чутко подмечает отклонение от жизни: преувеличения, прикрасы, натянутость. Такие элементы в книжках встречают определенное отрицательное отношение» [Там же: 22]. Интересно, что слушатели скептически относились совсем не к каждому образцу агитационной литературы, например несчастья крестьянской девушки Тани, которую насилует кулак (см.: [Лопатина 1926]), встречают сочувственный отклик, как весьма правдоподобные. Книгу одобряют и признают полезной: Таня через суд добивается признания своих прав на алименты, и это, с точки зрения слушателей, может не только помочь женщинам в беде, но и напомнить мужчинам об ответственности за свои действия [Там же].

Тема восприятия крестьянами агитационной литературы заслуживает дальнейшей разработки, но уже можно вполне определенно говорить о необходи-

мости четко различать воображаемое пространство идеологической продукции и действительность, которая могла решительным образом от него отличаться.

* * *

В результате рассмотрения сюжетов агитационных «бабьих бунтов» 1920-х годов можно констатировать, что в целом, за вычетом небольших поправок, уже в 1923—1924 годах их структура почти идентична. Развития событий варьируются, но обычно сводятся к тому, что женщины в деревне, вдохновленные вестями о переменах, принесенных советской властью, требуют от мужчин уважения: прекращения насилия и сквернословия, признания их прав — как юридических, так и прав на то, чтобы культурно развиваться и участвовать в общественной жизни. Почти обязательное действующее лицо — активная и часто грамотная местная женщина (или две), которая объединяет вокруг себя других крестьянок. Благодаря сплоченным действиям и смелости женщинам удается отстоять свои права и донести до сознания своих мужей, что отныне их надо уважать. При этом мужчины никогда не играют роль врагов, эта роль атрибутируется не по гендерному, а по классовому признаку: хорошей жизни мешают самогонщик (или самогонщица), «поп», «попадья» и «кулак». Важным является и то обстоятельство, что часто мужчины идут на уступки, осознав, что права женщин защищает советская власть. Нередко встречается в разных вариантах мотив гендерной инверсии. Сопоставить «бабьи бунты», их сходства и различия помогает расположенная ниже таблица.

Зачем советской власти было агитировать крестьянку за то, чтобы она училась грамоте, пробуждать ее правовое самосознание? Полагаем, в первую очередь это происходило потому, что, по мысли советских идеологов, грамотная и уверенная в своих правах и поддержке их властью женщина должна была

Типологическая таблица агитационных «бабьих бунтов»

Автор, название	Жанр, год издания	Наличие коллектива	Самоизоляция женщин	Вопрос об общественной работе	Семья, секс	Наличие активистки	Наличие внешнего «врага»
Барабанов, «От стычки до смычки» («Бабий бунт»)	Хоровая пьеса с музыкой, 1927	Да		Да	Претензии к мужчинам: хотят удовольствия и детей. Избиение на позднем сроке беременности, выкидыш	Да	«Поп», алкоголь
Д. Бедный, «Бабий бунт»	Поэма, 1924	Да	Да	Нет		Да	Самогонщица, «поп»
Н. Платоныч, «Бабий бунт»	Рассказ, 1923	Да		Да		Да	
Н. Платоныч, «Отец»	Рассказ, 1923	Нет	Нет	Нет	Развод с мужем, драчуном и пьяницей	Да	
Д. Щеглов, Н. Еленский, «Бабий бунт»	Пьеса, 1926	Да		Да		Да	«Кулак», церковь
И. Чурилин, «Бабья власть»	Рассказ, 1926	Да	Нет	Да	Санкции за избиение жены	Да	Самогоноварение
М. Шолохов, «О Колчаке, крапиве и прочем»	Рассказ, 1927	Да	Да	Нет		Да	
П. Яровой, «Бабий бунт»	Рассказ, 1924	Да		Нет	Отказ в сексе: «Не будет помогать, прогоним с любовью»	Да	Пьянство
Б. Аверьянов, И. Дальский, «Бабья республика»	Пьеса, 1928	Да		Да	Инверсия мужских и женских обязанностей	Да	
Н. Божинская, «Бабы забастовали»	Пьеса, 1926	Да	Да	Да		Да	
А. Серафимович, «Бабья деревня»	Рассказ, 1923	Да	Нет	Нет	Мужчины погибли, женщины исполняют их обязанности	Нет	

охотно включиться в процесс преобразования деревни и разрушения традиционного «патриархального» уклада. И размах настоящих «бабьих бунтов» после того, как советская власть всерьез взялась за коренное преобразование деревни, показывает, что своей цели организаторы агитации в некотором смысле добились: женщины действительно стали четче понимать, чего они хотят или не хотят, только вот определенно разошлись с советской властью в вопросе о том, что им на самом деле нужно. Любопытно, что в качестве оправдания своего нежелания вступать в колхоз или обобществлять имущество в ходе коллективизации мужчины иногда ссылаются на своих жен: у них-де те же права на имущество — как она решит, так и будет [Viola 1992: 37—38]. Зафиксированы случаи, когда жены били своих мужей, согласившихся пойти в колхоз, или подавали на развод с разделом хозяйства, и это не считая, конечно, массовых вполне организованных и осмысленных выступлений против коллективизации [Ilic 2018: 150]. Агитационные «бабьи бунты» должны, как нам представляется, занять свое место в истории советской «культурной революции», в том ее разделе, который посвящен марксистской теории и практике, касающихся гендерного аспекта крестьянского вопроса.

В целом агитационный «бабий бунт» можно определить как попытку навязать сверху женскому крестьянству выраженную марксистскими формулами псевдоэмансипацию и гендерную модернизацию в рамках нарастающего процесса тотального «неозакрепощения» крестьянства, которому вскоре предстояло реализоваться в форме коллективизации.

Библиография / References

[Аверьянов, Дальский 1928] — *Аверьянов Б., Дальский И.* Бабья республика. М.; Л.: Госиздат, 1928.

(*Aver'yanov B., Dal'skii I.* Bab'ya respublika. Moscow, Leningrad, 1928.)

[Алексанян 2009] — *Алексанян Н.А.* История одного бабьего бунта (о выступлении женщин в с. Чесменка Бобровского уезда Воронежской губернии) // Человек и общество: история и современность: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 8. Воронеж: ВГПУ, 2009. С. 53—64.

(*Aleksanyan N.A.* Istoriya odnogo bab'ego bunta // Chelovek i obshchestvo: istoriya i sovremennost': Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Iss. 8. Voronezh, 2009. P. 53—64.)

[Бабья деревня 1923] — Бабья деревня. Инсценированный рассказ Серафимовича // Сборник агит-пьес для деревенского театра. М.: Красная новь, 1923. С. 21—28.

(Bab'ya derevnya. Instsenirovannyy rasskaz Serafimovicha // Sbornik agit-p'es dlya derevenskogo teatra. Moscow, 1923. P. 21—28.)

[Барабанов 1927] — *Барабанов Б.Н.* От стычки до смычки (Бабий бунт). Хоровая пьеса в 3-х действиях для рабоче-крестьянского клубного театра. С предисловием автора, музыкой и примечаниями Георгия Звеновского. Л.: Издательство Ленинградского Губпрофсовета, 1927.

(*Barabanov B.N.* Ot stychki do smychki (Babii bunt). Leningrad, 1927.)

[Бедный 1932] — *Бедный Д.* Бабий бунт. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1932.

(*Bednyy D.* Babii bunt. Moscow, 1932.)

[Божинская 1926] — *Божинская Н.* Бабы забастовали. Пьеса в 1 действии и 3 картинах. М.; Л.: Госиздат, 1926.

(*Bozhinskaya N.* Baby zabastovali. Moscow; Leningrad, 1926.)

[Бондарев 2010] — *Бондарев В.А.* «Бабьи бунты» на Юге России в 1930-х гг.: к вопросу о гендерной специфике крестьянского протеста против сплошной коллективизации // Клио. 2010. № 3 (50). С. 142—143.

(*Bondarev V.A.* "Bab'i bunty" na Yuge Rossii v 1930-kh gg.: k voprosu o gendernoy spetsifike krest'yanskogo protesta protiv sploshnoy kollektivizatsii // Klio. № 3 (50). P. 142—143.)

[Ефремов 2007] — *Ефремов И.* Бабий бунт, осмысленный и беспощадный. Женский протест в ходе коллективизации // Родина. 2007. № 9. С. 92—93.

(*Efremov I.* Babiy bunt, osmyslennyy i besposhchadnyy. Zhenskiy protest v khode kollektivizatsii // Rodina. № 9. P. 92—93.)

[Ильина 1928] — *Ильина М.И.* Сильнее любви. М.: Государственное издательство, 1928.

(*Il'ina M.I.* Sil'nee lyubvi. Moscow, 1928.)

[Какая книга... 1927] — Какая книга нужна крестьянину. М.; Л: Долой неграмотность, 1927.

(Kakaya kniga nuzhna krest'yaninu. Moscow; Leningrad, 1927.)

[Кравченко 1929] — *Кравченко Е.* Почему крестьянке выгодно идти в колхозы. М.; Л.: Госиздат, 1929.

(*Kravchenko E.* Pochemu krest'yanke vygodno idti v kolkhozy. Moscow; Leningrad, 1929.)

[Ленин 1970а] — *Ленин В.И.* Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Полное собрание сочинений. Т. 41. М.: Политиздат, 1970. С. 398—408.

(*Lenin V.I.* Rech' na Vserossiyskom soveshchanii politprosvetov gubernskikh i uezdnykh otdelov narodnogo obrazovaniya 3 noyabrya 1920 g. // Polnoe sobranie sochineniy. Vol. 41. Moscow, 1970. P. 398—408.)

[Ленин 1970б] — *Ленин В.И.* О кооперации // Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 369—377.

(*Lenin V.I.* O kooperatsii // Polnoe sobranie sochineniy. Vol. 45. Moscow, 1970. P. 369—377.)

[Пав.Линыч 1927] — *Пав.Линыч.* Церковь или изба-читальня. М.; Л.: Госиздат, 1927.

(*Pav.Linych.* Tserkov' ili izba-chital'nya. Moscow; Leningrad, 1927.)

[Лопатина 1926] — *Лопатина С.* Танино горе. М.; Л: Московский рабочий, 1926.

(*Lopatina S.* Tanino gore. Moscow; Leningrad, 1926.)

[Мирошниченко 1927] — *Мирошниченко П.* Бабы // Корсакова Е., Розенберг Э. Вечера крестьянки в избе-читальне. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 76—79.

(*Miroshnichenko P.* Baby // Korsakova E., Rozenberg E. Vechera krest'yanki v izbe-chital'ne. Moscow, Leningrad, 1927. P. 76—79.

[Неверов 1928] — *Неверов А.* Строгий муж // Строгий муж. Горе горькое. М.; Л.: Госиздат, 1928. С. 3—9.

(*Neverov A.* Strogiy muzh // Strogiy muzh. Gore gor'koe. Moscow, Leningrad, 1928. P. 3—9.)

[Пайпс 2005] — *Пайпс Р.* Русская революция. Кн. 3. Россия под большевиками. М.: Захаров, 2005.

(*Pipes R.* The Russian Revolution. Bk. 3. Russia Under the Bolshevik Regime. Moscow, 2005. — In Russ.)

[Пиков 1927] — *Пиков П.И.* Кто кого. Пьеса в 17 эпизодах при 3 антрактах. М.; Л.: ГИЗ, 1927.

(*Pikov P.I.* Kto kogo. Moscow; Petrograd, 1927.)

[Писатели Ленинграда 1982] — Писатели Ленинграда. Библиографический справочник. 1934—1981 / Сост. В.А. Бахтин, А.Н. Лурье. Л.: Лениздат, 1982.

(Pisateli Leningrada. Bibliograficheskii spravochnik. 1934—1981 / Ed. by V.A. Bakhtin, A.N. Lur'ye. Leningrad, 1982.)

[Плаггенборг 2000] — *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Нева, 2000.

(*Plaggenborg S.* Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Saint Petersburg, 2000. — In Russ.)

[Платоныч 1923] — *Платоныч.* Бабий бунт // Бабий бунт. Рассказы. М.; Пг.: Госиздат, 1923. С. 3—13.

(*Platonych.* Babiy bunt // Babii bunt. Rasskazy. Moscow; Petrograd, 1923. P. 3—13.)

[Рыклин 1923] — *Рыклин Г.* Лизистрата из Веретеевки // Известия. 1923. № 6. С. 3.

(*Ryklin G.* Lizistrata iz Vereteevki // Izvestiya. 1923. № 6. P. 3.)

[Серафимович 1927] — *Серафимович А.* Бабья деревня // Бабья деревня. Рассказы. М.: Государственное издательство, 1927.

(*Serafimovich A.* Bab'ya derevnya // Bab'ya derevnya. Rasskazy. Moscow, 1927.)

[Сивачев 1924] — *Сивачев М.Г.* Кулак. Рассказ. М.: Государственное издательство, 1924.

(*Sivachev M.G.* Kulak. Rasskaz. Moscow, 1924.)

[Степной, Казакевич 1925] — *Степной Н.Л., Казакевич О.* Ксения Неверующая. М.; Л.: Государственное издательство, 1925.

(*Stepnoy N.L., Kazakevich O.* Kseniya Neveruyushchaya. Moscow; Leningrad, 1925.)

[Чивекниз 1927] — *Чивекниз П.* Кабальная сделка // Корсакова Е., Розенберг Э. Вечера крестьянки в избе-читальне. М.; Л.: Московский рабочий, 1927. С. 92—102.

(*Chivekniz P.* Kabal'naya sdelka // Korsakova E., Rozenberg E. Vechera krest'yanki v izbe-chital'ne. Moscow; Leningrad, 1927. P. 92—102.)

[Чурилин 1926] — *Чурилин И.* Бабья власть // У околицы. Сборник рассказов / Под ред. и с предисл. М. Карпова. Л.: Прибой, 1926. С. 28—29.

(*Churilin I.* Bab'ya vlast' // U okolitsy. Sbornik rasskazov / Ed. by M. Karpov. Leningrad, 1926. P. 28—29.)

[Щеглов, Еленский 1926] — *Щеглов Д., Еленский Н.* Деревенский театр. М.; Л.: Госиздат, 1926.

(*Shcheglov D., Elenskiy N.* Derevenskiy teatr. Moscow; Leningrad, 1926.)

[Шолохов 1927] — *Шолохов М.* О Колчаке, крапиве и прочем // О Колчаке, крапиве и прочем. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 3—10.

(*Sholokhov M.* O Kolchake, krapive i prochem // Sholokhov M. O Kolchake, krapive i prochem. Moscow; Leningrad, 1927. P. 3—10.)

[Энгл 2010] — *Энгл А.Б.* Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 4. № 1. С. 148—178.

(*Engel A.P.* Ne khlebom edinym: zhenshchiny i prodovol'stvennye besporyadki v Pervuyu mirovuyu voynu // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2010. Vol. 4. № 1. P. 148—178.)

[Яровой 1924] — *Яровой П.* Бабий бунт // Рассказы (Старик. Бабий бунт). М.: Красная новь, 1924. С. 22—32.

(*Yarovoy P.* Babiy bunt // Rasskazy (Starik. Babiy bunt). Moscow, 1924. P. 22—32.)

[David-Fox 1999] — *David-Fox M.* What is Cultural Revolution // The Russian Review. 1999. Vol. 58. № 2. P. 181—201.

[David-Fox 2015] — *David-Fox M.* Crossing Borders. Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.

[Denisova 2010] — *Denisova L.* Rural Women in the Soviet Union and Post-Soviet Russia / Ed. by I. Mukhina. London: Routledge, 2010.

[Denisova 2018] — *Denisova L.* The Daily Life of Russian Peasant Women // The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and Soviet Union / Ed. by M. Ilic. Palgrave Macmillan, 2018. P. 149—165.

[Farnsworth 2015] — *Farnsworth B.* Rural Women and the Law: Divorce and Property Rights in the 1920s // Russian Peasant Women / Ed. by B. Farnsworth, L. Viola. Oxford; New York: Oxford University Press, 1992. P. 167—188.

[Fitzpatrick 1974] — *Fitzpatrick S.* Cultural Revolution in Russia, 1928—1932 // Journal of Contemporary History. 1974. № 1. P. 33—52.

[Fitzpatrick 1999] — *Fitzpatrick S.* Cultural Revolution Revisited // Russian Review. 1999. Vol. 58. Iss. 2. P. 202—209.

[Ilic 2018] — The Palgrave Handbook of Women and Gender in Twentieth-Century Russia and Soviet Union / Ed. by M. Ilic. Palgrave Macmillan, 2018.

[Molyneux 1981] — *Molyneux M.* Socialist Societies Old and New: Progress Towards Women's Emancipation // Feminist Review. 1981. № 8. P. 1—34.

[Viola 1986] — *Viola L.* Bab'i bunty // Russian Review. 1986. № 45. P. 23—42.

[Viola 1992] — *Viola L.* Bab'i bunty and Peasant Women's Protest during Collectivization // Russian Peasant Women / Ed. by B. Farnsworth, L. Viola. Oxford; New York: Oxford University Press, 1992. P. 189—206.

[Viola 1996] — *Viola L.* Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 181—205.